

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ И ЧУВСТВ

С.Н. Астапов

Институт философии и социально-политических наук ФГАОУ «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия, 344006

ФГАОУ Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия, 115409

Аннотация. С позиций религиоведения обсуждается феномен оскорбления религиозных убеждений и его социокультурного контекста. Обосновывается мысль о том, что в случаях публичных действий, выражающих явное неуважение к религии, и «умышленного публичного осквернения» религиозного объекта происходит не оскорбление чувств, а искажение смысла религиозных представлений и убеждений. Религиоведческая компетенция эксперта по делам, связанным с оскорблением религиозных убеждений и чувств, является необходимой для решения трех задач: установления религиозного значения объектов, в отношении которых совершено оскорбление, определения направленности на сознательную трансформацию религиозных представлений, описания религиозно-культурного контекста и направленности совершенной трансформации, которое поможет определить ее общественное значение.

Ключевые слова: религиозные чувства, религиозные убеждения, осквернение, сакральное, оскорбительная репрезентация, трансформация представлений

THE RELIGIOUS STUDIES ASPECT OF FORENSIC EVALUATION IN CASES INVOLVING OFFENSE TO RELIGIOUS BELIEFS AND SENSIBILITIES

S.N. Astapov

Abstract. The paper discusses the phenomenon of offense to religious beliefs and its social and cultural context from the perspective of religious studies. It corroborates the idea that public acts that demonstrate obvious disrespect towards a religion, and “premeditated public desecration” of religious objects lead to distortion of the meaning of religious notions and beliefs, rather than offending religious sensibilities as such. A forensic expert working on cases involving offense to religious beliefs and sensibilities needs to be competent in the field of religious studies in order to address three objectives: to investigate the religious meaning of desecrated objects; to determine the intentional nature of the resulting transformation of religious ideas; and to describe the religious and cultural context and the direction of the transformation, which in turn helps to define the social implications of such transformation.

Keywords: religious sensibilities, religious beliefs, desecration, sacramental, offensive representation, transformation of ideas

С введением в действие Федерального закона РФ от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» появилась еще одна группа дел, требующая специальных религиоведческих познаний и, следовательно, привлечения к экспертизе специалиста-религиоведа. До появления этого закона религиоведы привлекались к экспертизе материалов по делам, связанным с противодействием экстремистской деятельности. Необходимость привлечения религиоведов объясняется тем, что религиозные объекты, главным образом тексты, «могут иметь неочевидный, но традиционный для религиозного дискурса способ понимания, и он может требовать специальных религиоведческих знаний» [1, с. 25]. В самом общем виде участие религиоведа в экспертизе по делам, связанным с противодействием экстремистской деятельности, сводится к решению трех задач: идентификации объекта исследования как религиозного объекта; установления связи объекта исследования с социальной деятельностью религиозного объединения; оценки силы воздействия объекта на религиозное сознание.

Эти же задачи религиовед должен решать и при экспертизе материалов, связанных с оскорблением представлений и чувств верующих. Однако с позиции науки о религии определения названного закона не имеют однозначной интерпретации, а значит, создают некое поле аргументов для выбора той или иной интерпретации, тем самым осложняя работу эксперта. Цель данной статьи – разобраться в этих аргументах и интерпретациях, что, в свою очередь, поможет работе эксперта по установлению значения и направленности действий, которые указаны в данном законе.

Вначале представим несколько общих религиоведческих замечаний, которые обозначат контекст наших рассуждений.

Во-первых, исследователи отмечают следующее обстоятельство: поскольку акт оскорбления вызывает общественный резонанс, он используется религиозными

объединениями, чтобы вызвать этот резонанс. Статистика показывает, что чаще всего в современном мире заявляют об оскорблении своих чувств мусульмане, в России – так же часто, как мусульмане, чувствуют себя оскорбленными верующие Русской православной церкви. Обращает на себя внимание то, что заявления об оскорблении чувств верующих звучат от представителей наиболее многочисленных конфессий. Страна, где чаще всего в мире проходят разборательства в отношении оскорбления чувств верующих, – Индия: там несколько многомиллионных конфессий, представители которых периодически заявляют об оскорблении своих чувств [2, с. 36]. В России само появление названного закона было связано с акцией панк-группы Pussy Riot, которая настолько серьезно задела чувства православных, что квалификация этого деяния качнулась от «хулиганства» к «экстремистской деятельности», а этот «качок» вызвал общественный резонанс не только в России, но и за рубежом.

Во-вторых, с точки зрения религиозного сознания говорить об оскорблении «религиозных убеждений и чувств» бессмысленно. Далеко не все чувства и убеждения религиозных индивидов являются религиозными чувствами и убеждениями. Таковыми являются только те, которые обусловлены отношением верующих к объекту религиозной веры – сверхъестественному во множестве его манифестаций. Эти чувства нельзя оскорбить, так как с точки зрения теистической религии никакими действиями нельзя обидеть, оскорбить, осквернить, унижить и т. п. ни самого Бога, ни Его Промысел относительно верующего в Него, а также отвратить истинно верующего от Бога. Со стороны верующих ожидаема негативная реакция на богохульство, святотатство и кощунство, но эта реакция лежит в плоскости духовно-нравственных отношений, а не правовых, и сами термины «богохульство», «святотатство», «кощунство» не имеют места в современном российском законодательстве, какое они имели в своде законов Российской империи.

Закон определяет, что оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан наступает как результат

1. Публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совер-

шенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих, особенно совершенных в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;

2. Незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;

3. Воспрепятствования осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него;

4. Умышленного публичного осквернения религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчи или уничтожения [3].

Представляется, что определение незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций¹ лежит вне поля деятельности экспертов, поскольку, с одной стороны, определение законности является делом юристов, а с другой – даже законное воспрепятствование может быть воспринято верующими, которые испытали это воспрепятствование, как оскорбительное.

Также вне поля деятельности экспертов находится воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений – или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него. Непонятно даже, почему такое воспрепятствование отнесено к оскорблению чувств верующих. Как определить, кто является субъектом (или объектом) оскорбления: индивид, который отказывается от каких-либо религиозных убеждений и выходит из религиозного объединения или это религиозное объединение, члены которого испытывают тяжелые чувства в связи с

актом вероотступничества и пытаются воспрепятствовать ему (то есть воспрепятствование становится следствием оскорбления)? Очевидно, что воспрепятствование принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него является нарушением свободы совести граждан, гарантированной Конституцией, и этого одного достаточно, чтобы считать его правонарушением.

Оскорбительными Закон считает также целенаправленные «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу»². Но таковыми являются любые хулиганские действия. Отличие только в адресате этих действий: если они совершены в адрес верующих, то они попадают под санкцию данного закона. Поэтому основной задачей экспертизы становится найти не только признаки неуважения, но и признаки того, что объект является религиозным. Этим объектом может быть сакральный локус («место, специально предназначенное для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний»), сакральная персона или сакральное событие, символическими репрезентантами которых выступают определенные предметы, тексты, изображения.

Близкой к ней является задача нахождения признаков умышленного публичного осквернения религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчи или уничтожения. Здесь необходимо также показать целеобусловленность действий и их направленность на конкретный религиозный объект. Однако нужно учитывать, что для религиозного сознания акт осквернения не обязательно оскорбителен.

Понятие «осквернение» восходит к архаичным представлениям об угрозе

¹ С точки зрения религиоведения дизъюнктивное высказывание «незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний», данное в статье закона, содержит логическую ошибку, поскольку богослужения, религиозные обряды и церемонии являются частными случаями одного из видов религиозной деятельности – культовой деятельности.

² Логически ошибочное, с точки зрения религиоведения, также определение действия. Объектом оскорбления оказывается религиозное объединение, а не общество в целом. Одни и те же действия разными религиозными объединениями будут оцениваться по-разному, при этом большая часть представителей современного общества (поскольку оно по преимуществу секулярно) может индифферентно относиться к этим действиям до тех пор, пока какое-либо религиозное объединение не маркирует их как оскорбительные.

для сообщества, которую несет недолжный, нарушающий запреты, контакт со сверхъестественным. Единственное чувство, вызывающее чувство осквернения у верующего с архаичным сознанием, – это страх. «Соприкосновение с нечистыми объектами (объектами, наделенными вредоносным сакральным) или совершение действий, нарушающих сакрализованные предписания и запреты, несет вполне реальную угрозу «осквернившемуся», а также группе, представителем которой он является. В данном случае «оскверняется» человек, совершивший определенное действие. «Осквернение» предполагает несанкционированный неправильный контакт с сакральным, чреватый негативными последствиями, причем опасность исходит от сакрального. Оскверненный/осквернитель нуждается не столько в наказании, сколько в очищении, восстановлении правильного состояния, утраченного в результате осквернения. Оскверненный до того, как пройдет процедуру очищения, несет угрозу своему сообществу. Группа может даже избавиться от оскверненного/осквернителя для обеспечения собственной безопасности» [2, с. 37].

Поэтому при проведении экспертизы нет необходимости устанавливать ни факт осквернения (в разных религиозных системах в отношении сакрального существуют разные запреты, нарушение которых и является осквернением), ни чувства, оскорбленные осквернением (поскольку какие именно чувства оскорблены – религиозные или нерелигиозные – и где грань между ними в той или иной религии, часто невозможно однозначно определить). Необходимо и достаточно показать трансформацию, какую испытывают объекты, имеющие в представлениях верующих сакральный характер, а также то, какие представления у верующих возникают в связи с этой трансформацией.

Мы полагаем, что и в случае умышленных публичных действий, выражающих явное неуважение к религии, и в случае «умышленного публичного осквернения» происходит не оскорбление чувств, а искажение смысла религиозных представлений и убеждений. Между религиозными чувствами и религиозными убеждениями существует различие: убеждения могут быть оценены по критерию истинности, подвер-

гнуты критике, а чувства находятся вне критики и верификации. Религиозными считаются такие представления и убеждения, которые связаны с пониманием сакрального (сверхъестественного) и отношений с ним, то есть идеи (догматы, вероучительные положения и т. п.), ценности, практики, символы, а также их объективации (сакральные локусы, религиозная литература, произведения религиозного искусства, знаки и атрибутика). Если искажение религиозных представлений и убеждений совершается целенаправленно, публично и в грубой форме, особенно с нарушением моральных норм, принятых в обществе, то его следует квалифицировать как оскорбительное действие.

Таким образом, задача эксперта в работе с материалами по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств видится, с позиции религиоведов, в установлении цели (направленности) действий субъекта оскорбления, их публичности и радикальности в отношении предметов, наделенных в представлениях верующих сакральным смыслом.

В силу того, что такие действия носят демонстративный характер и выступают пропагандой каких-то идей и представлений, целью этих действий является не трансформация религиозного объекта, а деструкция идейной системы сообщества верующих (религиозного объединения). Публичность действия не всегда предполагает публичность самого акта, в ряде случаев это может быть обнародование результатов данного акта, совершенного скрытым образом. При этом не имеет особого значения, кем оно произведено. Наконец, радикальность деструкции может быть усилена или ослаблена в отношении оскорбления социальной средой и культурным контекстом.

Именно поэтому оскорбления больших религиозных объединений создают более сильное впечатление, чем оскорбления малых; деструкция представлений, относящихся к религиям, традиционным для того или иного региона, составляющим его культурно-историческое наследие, также вызывает больший общественный резонанс (и, соответственно, оскорбление), чем деструкция представлений новых для региона религий.

Деструкцию религиозных представлений, в свою очередь, также можно рас-

смагивать как акт, имеющий свою цель. Установление этой цели уже не входит в число задач экспертизы, но так как ответственный поступок есть поступок целеобусловленный, для установления мотивов и направленности конкретного действия, вызвавшего оскорбление верующих, необходимо видеть финальную цель действия. В большинстве случаев этой целью является утверждение приоритета идей и ценностей, противоположных тем, которые несут религиозные верования и связанные с ними представления. Ей сопутствует другая цель: репрезентация себя, своей индивидуальности через демонстративный акт.

В культуре постмодерна деструкция часто используется как начало конструирования чего-то нового («деконструкция» Ж. Деррида). В связи с этим религиозные символы, образы, сюжеты могут встраиваться в чуждый им контекст и представлять в искаженном виде. Особенно это относится к художественным произведениям. Оскорбительными могут быть не только карикатуры и пародии (яркий пример – события, связанные с французским журналом *Charlie Hebdo*), но и недолжное с позиции конфессионального сознания использование образов и сюжетов из Священных Писаний (например, события 2014–2015 гг., связанные с оперой «Тангейзер» в Новосибирском театре оперы и балета).

Таким образом, религиозоведческая компетенция эксперта по делам, связанным с оскорблением религиозных убеждений и чувств, оказывается необходимой для решения трех задач

1. Установление религиозного (и более узко – конфессионального) значения объектов, в отношении которых совершено оскорбление.

2. Определение направленности на сознательную трансформацию религиозных представлений в результате их оскорбительной репрезентации.

3. Описание религиозно-культурного контекста и направленности совершенной трансформации (иное религиозное учение, художественное произведение, использование гротеска в полемике, нигилизм, вандализм и др.), которое поможет определить ее общественное значение.

Решение этих задач формирует предмет экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств в его ре-

лигиоведческом аспекте – комплекс знаний о религиозном и, шире, социокультурном значении исследуемого события в связи с рассматриваемым делом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секе-
раж Т.Н. Теоретические и методические
основы судебной психолого-лингвисти-
ческой экспертизы текстов по делам,
связанным с противодействием экстре-
мизму. – М.: ЭКОМ Паблшерз, 2011. –
326 с.
2. Матецкая А.В. Оскорбление религиоз-
ных чувств верующих: российский кон-
текст. // Гуманитарные и социальные
науки. – 2015. – № 6. – С. 36–45.
3. Федеральный закон от 29 июня 2013 г.
№ 136-ФЗ «О внесении изменений в
статью 148 Уголовного кодекса Россий-
ской Федерации и отдельные законода-
тельные акты Российской Федерации в
целях противодействия оскорблению
религиозных убеждений и чувств граж-
дан».

REFERENCES

1. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh
T.N. *Teoreticheskie i metodicheskie os-
novy sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi
ekspertizy tekstov po delam, svyazannym
s protivodeistviem ekstremizmu* [Theoreti-
cal and methodical bases of forensic psy-
chological and linguistic examination of
texts on the affairs connected with coun-
teraction to extremism]. Moscow: EKOM
Pablisherz, 2011. 326 p. (In Russ).
2. Matetskaya A.V. Offense of religious feel-
ings of believers: Russian context. *Gu-
manitarnye i sotsial'nye nauki*. 2015. No 6.
pp. 36–45. (In Russ).
3. *Federal'nyi zakon ot 29 iyunya 2013 g No
136-FZ "O vnesenii izmenenii v stat'yu 148
Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federat-
sii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossi-
iskoi Federatsii v tselyakh protivodeist-
viya oskorbleniyu religioznykh ubezhdenii
i chuvstv grazhdan"* [The Federal law on
29.06.2013 No. 136-FZ "About introduc-
tion of amendments to article 148 of the
Criminal Code of the Russian Federation
and separate acts of the Russian Federa-
tion for counteraction to an insult of reli-
gious beliefs and feelings of citizens"]. (In
Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Астапов Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук ФГАОУ «Южный федеральный университет», профессор кафедры теологии ФГАОУ НИЯУ МИФИ; e-mail: seastapov@yandex.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Astapov Sergey Nikolaevich – DSc (Philosophy), Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Southern Federal University, Professor at the Theology Department of the National Research Nuclear University “MEPhI”; e-mail: seastapov@yandex.ru.